

Светлана Лятс

Проблемы мистики межконфессионального общения

Проблема, которую освещает данная статья, связана не просто с общением, но с общением между людьми разных конфессий. Это значит, что она включает в себя понятие церкви разделенной, что в принципе не соответствует данному Богом откровению о единстве Церкви, необходимо следующем из единства Бога. Такое несоответствие составляет, по мнению Николая Бердяева, «не только проблему христианского единства, но и проблему христианской полноты», предполагающую «существование греха не только личного, но и греха церквей, в их человеческой, конечно, стороне» [2, с. 65].

Разделение и раздор внутри христианства создают великий соблазн для мира нехристианского и антихристианского. Единство Церкви создается «единством Духа в союзе мира», природа же расколов и разделений всегда имеет своим основанием сугубо человеческие межличностные отношения. Вместе с наследуемой верой наследуются и вековые конфессиональные обиды и предубеждения. «Единство Церкви, — пишет свящ. Георгий Кочетков, — всегда универсально. Оно связано с евангельской заповедью о любви ко всем, вплоть до врагов, и о единстве всех учеников Христа при любой культурной, исторической, религиозной, социально-экономической и политической традиции. Это то, что питало тех, кто ощущал разделение церквей как свой грех и хотел его преодоления» [9, с. 81]. Для таких христиан старые, просроченные счета, которые одна конфессия предъявляла и предъявляет другой, не должны стать помехой к общению.

Можно выделить следующие трудности, предвещающие межконфессиональное общение:

- отсутствие необходимой экклезиологии, учитывающей реальное многообразие жизни Церкви, соответствующей словам ап. Павла:

«Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»*, на что обращает внимание и участник лютеранско-православных диалогов архиеп. Михаил (Мудьюгин), отмечая, что «попытки последнего времени дать определение феномена Церкви не ведут к единству, но скорее порождают разногласия» [Цит. по: 13, с. 282];

* 1 Кор 11:19

- непросвещенность многих христиан;
- отсутствие единого языка богословского общения;
- оскудение любви к братьям.

Рассмотрим каждую из них.

Экклезиология

К сожалению, разделения в церкви начались очень рано. О них писал еще ап. Павел в 1 Кор 1:10. Со временем проблема разделения (отделения), а также и связанная с ней проблема воссоединения становились для церкви все более актуальными. В III веке появляется учение свт. Киприана Карфагенского о единстве Церкви, которое стало называться «универсальной экклезиологией». Святитель писал:

...Чтобы показать единство [Церкви], Ему угодно было с одного же и начать это единство. Конечно, и прочие апостолы были то же, что и Петр, и имели равное с ним достоинство и власть; но вначале указывается один, для обозначения единой Церкви. Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует [7].

В соответствии с этим учением принципом единства Церкви признавалось единство епископата, занимающего «кафедру Петра» только в своей целостности.

Эту кафедру занимает весь епископат в целом, так что каждый епископ является преемником Петра, но только тогда, когда он состоит в епископате [1, с. 73–74].

Исходя из этой экклезиологии, «все, кто вне Церкви, ей не принадлежат» [1, с. 66], так как единая Церковь «не может быть одновременно внутри и вне себя» [там же].

И сегодня для православных единственной истинной Церковью является церковь православная, для католиков — католическая. «Это означает, — отмечает протопр. Николай Афанасьев, — что

проблема воссоединения православной и католической церкви сводится к возвращению в лоно истинной Церкви той ее части, которая отделилась и перестала быть Церковью» [1, с. 75–76]. И именно так понимают эту проблему католическая и православная церкви. Но по какому признаку определить истинность церкви, и существует ли такой объективный признак, ни та, ни другая церкви ответа не дают.

Основной тезис свт. Киприана состоит в том, что «Церковь Божия на земле предстает организмом вселенского масштаба, объемлющим все существующие на земле местные церкви. Все атрибуты Церкви: святость, единство, кафоличность, апостолат — относятся к этому универсальному организму. Местные церкви, как части Церкви универсальной, не обладают сами этими атрибутами; они обладают ими только через Церковь универсальную, при условии, что они являются частью ее» [1, с. 76]. Таким образом, в области универсальной экклесиологии проблема воссоединения церкви неразрешима, на что в своей статье «Una Sancta» и указал протопр. Николай Афанасьев, остро ощущавший сложившуюся тупиковую ситуацию. Он предлагает новую, «евхаристическую», экклесиологию, в которой все указанные выше атрибуты Церкви принадлежат именно местной, а не универсальной Церкви. А все, кто участвует в евхаристическом собрании, входят в местную церковь:

Для евхаристической экклесиологии единство Церкви является действительно ее единством, так как оно есть единство Тела Христова, т. е. единство Самого Христа, и выражается конкретно в евхаристическом собрании [там же, с. 77].

Тем самым протопр. Николай Афанасьев расширяет границы церкви от канонических (свт. Киприан) до мистериальных. Прот. Сергей Булгаков, обращая внимание, что «в Священном писании Церковь употребляется в двойном смысле: как поместные общины верующих, соединенных единством жизни, и Церковь как сама эта жизнь, как единая мистическая сущность» [4, с. 278], идет дальше — к мистическим границам, к Церкви «горней». Этого же видения Церкви придерживается и свящ. Георгий Кочетков, отмечая в своей статье, что

Церковь не может быть не единой. Новый мир, который строит Господь, не имеет разделения, в нем все пронизано Духом Святым. Действие Его

лично: каждый получает свой дар Духа лично, но служение дарами соединяет в единстве Церкви. Критерии единства, таким образом, — наличие Святого Духа и возможность присутствия Христа посреди нас [8, с. 78].

Непросвещенность многих христиан

Для многих христиан характерным является отсутствие понимания того, что с церковью и в церкви происходит. Еще до момента «великой схизмы» существовала настоящая духовная трагедия, состоящая, по мнению протопр. Иоанна Мейендорфа, в том, что «никто из западных христиан не знал по-настоящему христианского Востока и не мог видеть в нем альтернативы наиболее авторитарным формам средневековой системы папства, и Восточная церковь, подавленная своими собственными заботами, явно не способна была понять истинное положение западного христианства» [11].

Но и сейчас значительная часть верующих страдает незнанием вероучения и церковного устава, часто многим не хватает элементарных богословских знаний. Такая непросвещенность позволяет некоторым священникам, проповедуя с амвона, призывать не к единению, а к межконфессиональным розням, называя католиков «еретиками» и «вероотступниками», а то и отказывая им в возможности даже называться христианами. Но многие ли знают, что и сейчас, как отмечал прот. Сергей Булгаков, «несмотря на разногласия, христианский мир сохраняет существенное единение в самых основных догматах веры, выраженных в принимаемых всеми главных исповеданиях и символах веры (Никео-Цареградский, Апостольский, Афанасьевский)» [5, с. 60], и что, по словам прот. Георгия Флоровского, «есть еще много не прерванных связей, которыми схизмы удерживаются в некоем единстве» [14, с. 10]?

Церковь — не только мистическое тело Христово, церковь — это еще и социальный институт, и в мире сем она принуждена жить и действовать в социальной обыденности. В этой своей социальности христиан разделяет во многом чисто «человеческое»: человеческая душевная структура, различие в опыте и в чувстве жизни, в интеллектуальном типе, а зачастую и политические приоритеты. Поэтому делом богословия является «прежде всего взаимное тончайшее понимание в целях устранения неизбежных недоразумений, а далее и действительных разногласий, которые могут быть не только просто отвергаемы, но и перерастаемы

в процессе взаимного сближения» [5, с. 61]. В настоящее время Православие уже не является только «восточной» церковью, так же как западное христианство перестает быть только «западным». Сегодняшнее состояние обеих церквей, по мнению протпр. Иоанна Мейендорфа, дает возможность забыть вопросы относительные и сосредоточиться на вопросах подлинных [11, выводы, 3]. Тем не менее надо понимать, что настоящее церковное единство требует не только общности догматов, ведущей к разрешению частных затруднений, но и общего добровольного согласия в совместном определении единой Церкви [12]. Такое единство сможет осуществиться тогда, когда в нас раскроется подлинный духовный опыт и мы приблизимся друг к другу, соединяясь во Христе.

Отсутствие языка богословского общения

При попытке объяснить и передать подлинный духовный опыт возникает очередная проблема межконфессионального общения.

Опыт жизни, считает прот. Сергей Булгаков, предшествует догматической формуле, подготавливая к «новому разумению вселенской истины», обещая «не новые догматы, но их новое ведение, в котором становимся мы иными в самих себе» [цит. по: 14, с. 90]. Откровение же есть всегда и «прикровение» человеческим языком. В этом смысле, по словам прот. Георгия Флоровского, «неизменная истина опыта может быть описана по-разному, в разных словах» [15], причем даже слова Писания не исчерпывают всей его полноты. Особенно это видно в переводах на другие языки, имеющие собственный понятийный аппарат. Первые «догматические» формулировки христианского богословия не случайно были названы «границами» (оросами), а не «догматами». Граница обозначает предел, т. е. ограничение, детерминацию (описание) церковного опыта [16, с. 76]. Та же мысль звучит и в словах Йозефа Лортца:

Снова и снова приходится констатировать тот факт, что одинаковые по форме высказывания означают разное, или, наоборот, что некоторые под совершенно иной формулировкой хотят выразить то же, что и противники [10, с. 124–125].

Догмат как выражение Откровения не может быть изменен, но выражение догмата не может претендовать на стабильность

и неподвижность: оно может развиваться, переводиться на другие языки. Любой человеческий язык — вещь относительная. Языка, который бы все передавал, нет. Бог передает Откровение не словами, а человек пытается передать это на языке своего народа, соответствующего культуре определенного времени. «Новые формулировки вероучения, — пишет протопр. Иоанн Мейендорф, — не только неизбежны, но и совершенно необходимы, если Церковь действительно кафолична и хочет проповедовать всем народам и всем культурам» [11]. Это необходимо иметь в виду при общении с христианами других конфессий, помня, что «кафоличности, по самому существу ее, свойственно разделять проблемы брата и помогать ему в их разрешении, прежде чем раздражаться анафематствованиями и осуждениями» [11].

Оскудение любви к братьям

В расколе и разделении иссыкает любовь, но вне любви спасение невозможно.

В спасении две стороны: объективное действие благодати и субъективный подвиг или верность. В расколах еще дышит Дух Святой освящающий. Но в упорстве и немощи схизмы исцеление не исполняется [15, с. 8–9].

Пока мы думаем, что в этом виноват кто-то другой, мы еще не осознаем всей трагичности разделения. Историческая вина лежит на обеих сторонах. Сейчас есть возможность, а с христианской точки зрения — долг, вновь найти взаимопонимание. Здесь хорошо вспомнить слова протопр. Николая Афанасьева: «каждый христианин и все христиане познают вместе, что любовь выше разделения и что само разделение является грехом перед Богом, тогда поправленная правда любви будет восстановлена, а с нею и силою ее — правда догмата» [1, с. 95]. Любовь Божия перекрывает и преодолевает нелюбовь человеческую. «И в самих расколах (и даже у еретиков), — замечает прот. Георгий Флоровский, — Церковь продолжает творить свое спасающее и освящающее действие» [15, с. 9].

К сожалению, в этом мире и церковь, и религиозная соборность зачастую принимают характер объективированных и социализированных сообществ, которые есть царство кесаря. Познание же Истины зависит от степени общности людей-субъектов, от общения в Духе. Отсюда следует, что христиане несут всю ответственность

за Церковь и ее целостность, так как ни одна конфессия не может претендовать на полноту истины. Истина в полноте дана лишь Церкви «горней», где общение, соединение, по словам Бердяева, предполагает максимальную духовную общность, которая есть уже Царство Божье [3, размышление 5]. И только исходя из этого понимания существует возможность исчезновения объективации конфессий и возникновения возможности межличностного общения между субъектами в Духе Святом, перерастающего в «Мы».

Можно сказать, что существуют многочисленные трудности, предваряющие межконфессиональное общение. Преодолеть их непросто, но необходимо. В противном случае диалог может не состояться. Для преодоления этих трудностей требуются богословские и церковно-практические усилия. Но их плодом сможет стать обретение того единства, которое вновь позволит всем христианам сказать: «Изволися Духу Святому и нам».

Литература

1. Афанасьев Н., протопр. Una Sancta // Православная община. 1996. № 4 (34). С. 62–112.
2. Бердяев Н.А. Вселенскость и конфессионализм // Православная община. 1992. № 5 (11). С. 50–61.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/index.html> (дата обращения: 10.03.2011).
4. Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М., [2006].
5. Булгаков С., прот. Una Sancta // Православная община. 1996. № 4 (34). С. 50–61.
6. Зеньковский В., прот. Апологетика // Основы христианской философии. М., 1996. С. 307–546.
7. Киприан Карфагенский, свт. Книга о единстве Церкви. URL: <http://aleteia.narod.ru/kipr/unit.htm> (дата обращения: 10.03.2011).
8. Кочетков Г., свящ. Вера вне Церкви и проблема воцерковления // Православная община. 1994. № 1 (19). С. 77–86.
9. Кочетков Г., свящ. Единство и этнокультурное многообразие в Православной церкви // Церковь и мир. М., 2004. С.76–82.
10. Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей: В 2 т. Т. 1. М., 1999.
11. Мейендорф И., протопр. Значение Реформации, как события в истории христианства. URL: http://www.catholic.uz/tl_files/reading_room/meyendorf_znachenie/ (дата обращения: 11.03.2011).

12. Мейендорф И., протопр. Произошла ли во Флоренции встреча между Востоком и Западом. URL: http://krotov.info/library/13_m/mey/florence.html (дата обращения 11.03.2011).
13. Сааринен Р. Вера и Святость: Лютеранско-православный диалог: 1959–2002 гг. М., 2003.
14. Струве Н.С. Пророчество и школа в христианстве // Православная община. 1999. № 6 (54). С. 85–90.
15. Флоровский Г., прот. Границы Церкви // Свет Невечерний. 2007. № 11. С. 5–10.
16. Флоровский Г., прот. Утрата библейского мышления. URL: http://www.krotov.info/library/21_f/flo/rovsky_001.htm (дата обращения: 11.03.2011).
17. Яннарас Х. Вызов православного традиционализма // Православная община. 1999. № 3 (51). С. 71–79.